

Оцифрованная душа

СТИХИ

Нина Стожкова

Оцифрованная душа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43340435

SelfPub; 2019

Аннотация

Стихи Нины Стожковой обязательно найдут отклик в душе читателя двадцать первого века. Надо только сбавить бешеные скорости, которые диктует нынешняя цифровая эпоха, ненадолго остановиться и прислушаться к себе, к своей душе – словом, окунуться в тот мир, который зовется поэзией.

Содержание

Ангелы города	7
Перед Пасхой	7
Ангел	8
Кардиохирургам	10
Подземка	11
Первый снег	12
Прощание	12
Первый снег	13
Дом	14
Школьная считалка	15
Улица Неждановой	17
Детство	18
Белые стихи	19
В антракте	20
В магазине на Герцена	21
Про клоуна Вову	22
Бабушка	23
Стекло	24
В цирке	25
Несовпадения	26
Октябрь	27
Снимается кино	28
Стихи и проза	29

Обезьянка	30
Жизнь	31
На кухне	32
Вечер в Крылатском	33
Бабочка	33
Прощание	34
Больница	35
Пьеса разлуки	36
Гость	37
Фауст	38
Марш Мендельсона	39
Моцарт	40
Лестница в новый год	41
Птичка	42
Между солнцем и вьюгой	44
Вечер в Крылатском	45
Во сне и наяву	46
Отец	46
Отраженье	47
Футуролог	48
Сон	49
Инвалид	50
Снегопад	51
Европа	52
Американскому советологу.	53
Тишина	54

Полет над островом	55
Сочинение	56
Соколыники девяностых	57
В подземном переходе	58
Репортеры	60
Верхом	61
Крик о немоте	62
Художник Чернова	63
Липа	64
Август	65
Мама	66
Прощание с гомункулом	67
Рождество	68
Негасимая лампада	69
Души старых москвичей	69
Маленькая поэма	69
Учительница музыки	70
Журналист	71
Бабушка	72
Харон	74
Плач по Беларуси	76
Тень Чернобыля	76
Родовое древо	78
Шутливые стихи	79
Муза	79
В зеркалах	80

Телепатка	82
В Сапсане	83
Собрату-писателю	85
Куплеты к 14 февраля	87
Театр «Новый Год».	88
Живым (пока еще) поэтам	90
Смог в Москве-2010	91
Харрасмент по-русски	93
Экологический митинг	94
Герои ненаписанных романов	95
Выборы	96
После выборов	97
Поздняя весна	98
Женский роман	99
Опять про позднюю весну	100

Ангелы города

Перед Пасхой

Поп, накинув ризы на старый подрясник,

Светит в церковном дворике яйца и куличи.

Говорила мать: «Что ж, иди на фольклорный праздник!» -

В вечную жизнь не верят физики и врачи.

Храм «Покров Богородицы», тьма народу,

На столах – все, что люди несут святить.

Говорила мать: «Кто боится вернуться назад, в Природу,

Просто трус. Без красивых сказок не может жить».

Говорила еще: «Не вступай, Бога ради, ты в сделку с Бо-

ГОМ:

Куличи и молитвы – в обмен на вечную жизнь.

Этот мир создан сложно, загадок и тайн в нем много,

Но наука все их решает, только держись!».

Почему же тогда в этом мире, из атомов состоящем,

Зажигая в церковном дворике свечку на куличе,

Слышу ясно твой голос, мама, родной, летящий,

И ладонь твою чувствую вновь на моем плече?

Ангел

Под пластинку хрипатую
Погрустим о былом.
Машет дворник лопатою,
Словно ангел, крылом.
Забулдыгу бесполого
Посыпает снежок
И ложится на голову
Света яркий кружок.
Лимита поднебесная
Отработает срок.
Мы и сами – не местные,
Из фантомных миров.
Кто из лунного племени,
Из фантазий и грёз.
Кто из нового времени,
Из живущих всерьёз.
Все о нас дворник ведаёт,
Как начальник старшой,
И одною заведует
Крупноблочной душой.
Хоть и пьян, не оступится,
Ни оставит в беде.
Пусть за нас он заступится

На грядущем суде.

Кардиохирургам

Один заштопал, другой прижег,
А третий сказал: «Нормально стучит!».
Видать, хотел забрать меня Бог,
Но ему помещали мои врачи.
Один Ринат, другой Алексей,
А третий – Амир, суровый степняк...
Молиться не хватит мне жизни всей
О тех, кто вернул в этот мир меня.

Подземка

По кольцу, через черный тоннель
Я уеду, газету читая.
В чьем-то плеере будет, как шмель,
Биться ритм, до меня долетая.
Вновь дышать перегаром в лицо
У плеча станет ангел-хранитель,
Разомкнуть не пытаясь кольцо –
Дантов круг, всех скорбящих обитель.
Пес бездомный, забредший в вагон,
Мне уставится в грешную душу,
И безногий шагнет на перрон,
Как с галеры ступают на сушу.
Этот круг, этот вечный размер,
Этот скрежет подземного рондо
Хороводом теней и химер
Нас укачивать будет неровно.
Но по кругу, как в юности, вновь
Я уеду, простившись с тобою.
Даже если и это – любовь,
Что здесь делать с любовью земною.

Первый снег

Прощание

Пока труба в коричневом футляре
Под нос бубнит доигранный мотив,
Я улетаю на воздушном шаре,
Колени белым платьем облепив.
Меня мутит, как на качелях в парке:
«Остановите! Больше не хочу!»,
Зануда и зубрила с первой парты,
Я медленно над городом лечу.
И растворяюсь в предосеннем солнце
Над розовыми кубиками дач.
Мне снизу машет странный и высокий,
Как это утро раннее, трубач.
А рядом, воя, носится кругами
Лохматый пес с нелепой кличкой Грусть.
Он думает, что я вернусь другая.
Или совсем. быть может, не вернусь.

Первый снег

Этот вечный первый снег,
Варежки на батареях...
Обещание апреля
В самом первом зимнем сне.
Мой огромный белый бант,
Седина в висках маэстро,
Гордость школьного оркестра –
Лопоухий музыкант.
Замерзающее «до» -
Нота, взятая неверно.
Умирая, самый первый
Снег сжигает мне ладонь.
Каждой осенью – другой,
Каждый раз – сражение с фальшьюю.
В снегопаде вязнет мальчик
С ослепительной трубой.

Дом

Останется стихотвореньем
Нескладное наше жильё.
Там бабушка варит варенье,
А мама стирает бельё.
Там дух мандаринов веселый
И елка, как сказочный бог,
И я, прибегая из школы,
Бросаю портфель за порог.
Там бродит мечта о собаке
И дремлют иные мечты...
Спускается муха во фраке
На нотной бумаги листы.
Пусть все, как в семейном альбоме,
Останется в этих строках.
И мебель, немодная, в доме,
И книга у мамы в руках.
И окна морозные – настезь,
И пахнувший пудингом дым...
Все это зазубрено насмерть
И будет отныне таким.

Школьная считалка

Лето, школьное крыльцо,
Ваше хмурое лицо.
Раз-два-три-четыре пять.
Будем в классики играть?
До седьмого класса скука-
Музыкалка и наука.
Здесь я прыгаю одна,
Вы – считайте у окна.
Класс восьмой. Оскал скелета
Из-за двери кабинета.
Я юннат у вас в кружке,
Вы – в помятом пиджаке.
Класс девятый. Вы у карты
Я сижу за школьной партой.
Получаю «тройки»
И скучаю у доски.
Класс десятый – вылетайте
И внимательно считайте.
Новый год и выпускной
Мне допрыгивать одной.
Ровно десять. Эй, учитель!
Вы устали, вы ворчите:
«Районо и гороно

Крепко спят давным-давно.
Уходите со двора,
Наша кончилась игра».

Улица Неждановой

Докрасна в горниле города
Трубы с крышами покатыми
Закаляют наши горести
Неуемными закатами.
Там, где в гнездах бьются ласточки
И скрипят, качаясь, лестницы,
Город плавит наши слабости
На характеры железные.
Там, где крыши все азартнее,
Все звончей исходят ливнями,
Нас уют в плывущем зареве
Маросейка и Неглинная.
Пламя властвует над городом
В предзакатном ожидании.
Нас сжигает тихой гордостью
Верность улице Неждановой.
Верность помыслам обманчивым
И везению непрочном.
И отчаянному мальчику
Из недавнего отрочества.

Детство

Тихо шаркают по крыше
То ли листья, то ли мыши.
Кот, огромный, как бульдог,
Охраняет наш порог.
Тихо вторит фортепьяно
Детской песенке Татьяны,
Диким танцам на носках
И снежинкам в облаках.
Сквозняки по половицам
К нотным тянутся страницам
И баюкают кота
На футляре от альта.
...Снова снег – куда деваться?
Кот пропал. Мне скоро двадцать.

Белые стихи

Да славится мойщик посуды,
Больной без ее белизны,
Маляр, потерявший рассудок
От свежебеленной стены,
Кондитер, седой и хохлатый,
Над облаком пыли мучной.
Берущий безбожную плату
За белые платья портной.
Уборщик, ругающий лето
За услащенный тополем сад,
И злая причуда поэта
Бумагу марать наугад.

В антракте

«Как же ты изменилась,
Словно с неба свалилась!».
Я прекрасна, как Фея Драже.
Я с лицом беспечальным
И с кольцом обручальным,
В платье, розовом, как бланманже.
«Где ты был эти годы?».
Как качаются своды?
Как оркестр военный гремит!
В зале консерваторском
С палочкой дирижерской
Моя детская тайна стоит.
Разноцветное утро.
Разве кто-нибудь умер?
Так печален оркестр духовой.
Тонких веток качанье,
Это наше прощанье
Тихим маршем плывет над Москвой.

В магазине на Герцена

В этом театральном магазине
Я скрываюсь от дождей и бед.
Трогаю пуанты на витрине.
Даже если в доме денег нет.
Покупаю тени цвета сливы,
Крашу губы, в зеркальце смотря.
Буду разноцветной и счастливой
Среди пестрых листьев сентября.
От ветров осенних не замерзну
Под плащом для гномов и принцесс.
В городе, как в солнечной примерной,
Пахнет ожиданием чудес.

Про клоуна Вову

Я иду по синим лужам
Не с подругой и не с мужем.
Угадайте, рядом кто?
Клоун в стареньком пальто!
Настоящий клоун Вова,
Старшекурсник циркового.
Он пока не знаменит,
Но нисколько не грустит.
Тает снежная завеса,
Воздух мартовский лучист.
Я твержу: «Я поэтесса!»,
Он мечтает: «Я – артист!».

Бабушка

Бабушка, нахохленная птица,
На кровати в сумерках сидит.
То, что нынче бабушке приснится,
Завтра утром сбыться норовит.
Древняя, ослепшая, глухая,
Смотрит сны, как видео-кино,
Молодым назавтра предрекая
То, что было с ней давным-давно.

Стекло

Нас Господь сотворил из стекла,
Души вдул сквозь прозрачные лица.
Помолчал. Наказал не разбиться
От любви, от ударов, от зла.
Мудр Творец, потому не хандрит,
Если чья-то душа догорает.
А когда человек умирает,
Из осколков – другого творит.

В цирке

Я различаю свет во мраке
И понимаю: мрак – ничто,
Когда выходит в рыжем фраке
Любимец цирка шапито.
Когда артистка цирковая
Опасный выполняет трюк,
Я вместе с ней, едва живая,
Лечу, зубами сжав мундштук.
Что б в этом бешеном круженье
Перемолоть, перекружить
Все то, что только отраженье
Глагола пламенного: «жить!».

Несовпадения

Мы целую зиму мечтали о лете,
Чтоб белый наш дом, как валун придорожный,
Увидели горошка душистые плети
И вырос – у лифта почти! – подорожник!
Чтоб пели стрекозы на автостоянке
И крались коты за кустом барбариса,
И бабушка гордо сажала в жестянке
По горстке семян – ноготков и редиса.
А после, устав от тягучего зноя,
Мы слышали, как завывают метели.
И вновь получилось все так, как хотели.
И снова нам видится что-то иное...

Октябрь

Октябрь, хрипя, поднялся на дыбы
Над переулком,
Осенью прожженным.
А в воздухе – такая напряженность,
Что ей сродни – призывны клик трубы.

Снимается кино

Снег пошел без команды: «Мотор!»,
Без хлопущек и чьей-нибудь воли.
Десять дублей. Он вышел из роли
И покорно улегся на двор.
В снегопад у окна постоять,
Два цветка бутафорских сжимая...
Осветители переживали:
Надо осень по фильму снимать.

Стихи и проза

Ты явишься прямо с мороза
С портфелем в озябшей руке,
Как самая дивная проза
На самой нескучной строке.
Я прыгну, как кошка, с дивана,
Смеясь от таких пустяков,
Что вновь – продолженье романа,
И больше не будет стихов!

Обезьянка

Какую яркую приманку
Судьба подкинула опять,
Чтоб подразнить, как обезьянку,
И за решетку приз убрать.
А мне – стоять с рукой пустою,
Того не в силах укусить,
Кто с идиотской простотою
Игрушку дергает за нить.

Жизнь

Твердила мама: «Жизнь жестока!».
Я тайно думала: «Вранье!»
И убегала, как с урока,
От смысла здорового ее.

Какие глупости! Жестоким
Никто не может быть со мной!
Я молода, я нравлюсь стольким,
Я замуж выйду той весной...

Лет десять бешено промчалось –
Зима, весна, и вновь зима...
Но если что-то и осталось
Смешным – то это я сама.

На кухне

Сковородки, кастрюли, тряпки –
Как ведьмовские причиндалы.
Космы сизые нашей бабки –
Словно дым над косынкой алой.
Приговаривает, ворожит,
Проклиная нашу беспечность,
И скучает, что день не прожит –
Будет вечер, длинный, как вечность.
Ведь пока эти руки в тесте
И глаза от дыма слезятся,
Будет время стоять на месте,
Будем мы детьми оставаться.

Вечер в Крылатском

Бабочка

Я с веером печально танцевала,
Как бабочка с оторванным крылом.
Мои друзья привычно и устало,
Острили, оставаясь за столом,
Передавали вежливо солонки
И пели, в такт стаканам звеня...
Мое крыло из крашеной соломки
Мотало вдоль по комнате меня.
Я билась о зашторенные окна,
Над вазами срывая лепестки,
И танец, исковерканный, как окрик,
Свой странный ритм выстукивал в виски.
Ты до конца его длинноты выждал
И лишь тогда себе позволил встать,
Когда решил, что я сумею выжить,
Хоть неизвестно, буду ли летать.

Прощание

Я исчезаю без следа:
Июль и голубое платье.
Тебе останется проклятье
Запомнить это навсегда.
И видеть сотни раз во сне,
Как я бегу среди прохожих,
Как, обнимая непохожих.
Ты хочешь вырваться ко мне.

Больница

Каменный дом. Городская больница.
Голубоватые женские лица.
Солнце слепит сквозь двойное стекло,
Значит, мы живы: на свете светло.
Слышно уже, как за медные кольца
Дергает март за окном колокольца,
Видно, как этот негромкий трезвон
Голову кружит семейству ворон.
За медсестрой, очень юной и строгой,
Запах микстуры вливается с порога,
Но посильнее, чем йод и эфир,
Пахнет за окнами мартовский мир.
Но голубей, чем халат медсестрицы,
Синее небо над нашей больницей.
Небесполезно ее ремесло!
Раньше нам так никогда не везло.

Пьеса разлуки

Из глухой темноты предрассветного часа,
Если память не спит в городской тишине,
Я, гордыню смиряя, прошу: пусть не часто,
Лишь однажды в году возвращайтесь ко мне.
В суматоху толпы и в озябшую осень,
Мимоходом, внезапно, на десять минут...
Мы побродим. Друг друга о чем-то расспросим,
Повторив невзначай прошлогодний маршрут.
Непохожи, как очень далекие звуки
В самой верхней октаве и в гулких басах,
Мы возьмем свой аккорд в старой пьесе разлуки
И забудем его невзначай в полчаса.

Гость

Снова зимней порою нас осыпало снегом,
И опять на пороге гость из дальних краев,
И попробуй реши, что здесь быть, а что небыль,
Если явью и снами жизнь полна до краев.

Если вновь повторились все дороги и даты,
Если музыка та же в переулке звучит,
Если зимний январь, словно ангел крылатый,
Нас из сумерек зимних в лето ясное мчит.

Фауст

Ты не Фауст, я – не Маргарита,
И не виноваты небеса
В том, что наши судьбы перевиты,
Словно в партитуре голоса.
Что не в садик оперный, а в город
Выхожу для встречи под луной,
И вращает ночь тяжелый ворот,
Закрывая занавес за мной.
Что на шум толпы, а не на пенье,
Вырастаешь ты из-под земли,
Что сама: «Остановись, мгновенье!»
Заклинаю в гари и в пыли.
Что в водовороте бесконечной
Суеты
Тебе дано кружить,
Что за тайну молодости вечной
Душу не успеешь заложить.

Марш Мендельсона

Как жить концертмейстерше лет тридцати,
Усталой, в костюме дурного фасона,
Играющей «Свадебный марш» Мендельсона
По выходным с девяти до шести?
Где силы скрипачке прокуренной брать
На эти торжественно-светлые звуки,
Когда по субботам, бледнея от скуки,
Приходится ей Мендельсона играть?
Что делать ударнику, альту, трубе –
Всему их оркестрику в Загсе районном
С кормильцем, с насмешником злым – Мендельсоном,
Со всем, что намешено в каждой судьбе?
Но вновь, лишь откроются створки дверей,
Пять ангелов, пять музыкантов прекрасных
С дежурной улыбкой на лицах бесстрастных
Мечтают весь мир поженить поскорей.

Моцарт

Моцарт, дружище, мой гений весёлый,
В душу ворвись ослепительным звуком,
Что б одиночества камень тяжёлый
Прочь, хоть на миг, откатился со стуком.

Чтоб, как горошины, легкие ноты
Прыгали весело и серебристо...
Моцарт, тебе здесь достанет работы,
Камень такой не сдвигается быстро.

Он прикипал бесконечной тоскою
И обрастал незаслуженной болью.
Если и сдвинется – только такую
Музыкой светлой и, может, любовью.

Лестница в новый год

До декабря – всего один пролёт.
Не уходи. Не торопи метели.
Мы встретиться с тобою не успели
На лестнице, ведущей в новый год.

Неужто нами выдумано зря
Про заговор двух одиноких взглядов?
Не торопи январских снегопадов.
Всего один пролёт до декабря.

Птичка

Если б не тянули книзу
Годы вереницей,
У тебя бы по карнизу
Прыгала я птицей.

Рано утром, в час рассветный
Тихо прилетала
И с тобою незаметно
Время коротала.

Хоть не певчая я птаха,
Но молчать не в силах,
Стрекотала бы без страха,
Сидя на перилах.

Клювом трогала бы ноты,
Щебетала звонко,
Позабыл бы ты заботы
И свою сторонку.

Жаль, что пёрышки намокли
Под дождём сердитым.
Да и ты едва бы смог бы

Жить с окном раскрытым.

Между солнцем и вьюгой

Вновь начинается вечный роман между солнцем и вьюгой,
Между конём вороным и уздечкой опасно-упругой,
Между весёлой и щедрой, как раннее утро, землёю
И бесконечной дорогой с залитой водой колеёю.

Вновь начинается бой равноправный между светом и тенью,

Меж легковесностью южной и вечной славянской ленью,
Между томлением жарким и спрятанной северной дрожью,

Между моей прямою и твоею изысканной ложью.

Между теплом запоздалым и первой водой ледяною...

Что-то опять начинается между тобою и мною.

Вечер в Крылатском

Над городом в башне бетонной,
В предместье столицы быллом,
Ведут разговор монотонный
Друзья за накрытым столом.
Три женщины. Эта сердечна.
Другая – бесспорна умна.
А третья – толста и беспечна.
Кто счастлив из них? Ни одна.
Зато, как орлы, величавы
Их спутники рядом сидят.
О жизни, о судьбах державы
Они с упоеньем твердят.
Влечёт к философским вопросам
Беседа на уровне птиц.
Их мысли, сродни альбатросам,
Взмывают и падают ниц...
Лишь в верхних слоях атмосферы,
Где воздух не слишком упруг,
Печали Крылатской Венеры
Сливаются с грустью подруг.

Во сне и наяву

Отец

День промыт, как двойное стекло
Перед северной долгой зимою,
И в саду целый вечер светло
От цветов с ярко-красной каймою.

Но не век георгинам цвести
Негасимо на станции дальней.
Даже в райском саду не уйти
От мелодии жизни печальной.

И начало ее, и конец –
Среди гула, асфальта и смога...
Постаревший за лето отец
Ехать в город торопит с порога.

Отраженьє

Отраженьє дробится в реке,
В старом зеркале тенью мелькает.
В объективе живет и в зрачке.
И в душе, хоть ее отрицают.

Футуролог

Писателю-фантасту Александру Казанцеву

Дремлет старый футуролог
Целый день в старинном кресле.

Век его был важно долог
Для проверки всяких «если».

Он писал про мирный атом,
Верил в чудо созиданья,

Разнимая, как анатом,
На кусочки мирозданье.

Как Гомер о древней Трое,
Сочинял он очень длинно,

И спасали всех герои
В каждой повести былинной.

Прилетали звездолеты
И тушили все пожары,

И кого-то от кого-то
Защищал их вождь поджарый.

Но не ведал футуролог,
Сочиняя эти «бредни»,

Что они лишь – бедный сполох
Венка четверти последней.

Сон

Мне снится сон, что мужа моего
Призвали на войну военврачом.
Вот мы стоим. Ему все нипочем.
А я вокруг не вижу ничего.
Оркестр играет марш в который раз,
У дирижера – мокрая спина...
Да, это он! Но на земле война,
Не время вспоминать десятый класс.
Не место узнавать невдалеке
Учителя, седого, словно дым,
И всех, кто нынче строится за ним,
Тепло родной руки зажав в руке.
Мне снится черно-белый страшный сон,
Что всех, кого любила в жизни я,
Объединил, как центр бытия,
Старинный марш прадедовских времен.
Что женщины стоят, лицом темны,
А листья все летят с деревьев прочь...
Придет ли наконец такая ночь,
Когда не будут сниться эти сны?

Инвалид

На гармошке играл инвалид,
В такт ногою притоптывал глухо.
Со стены улыбалась старуха,
Многолетних не помня обид.
Пел надтреснутый голос с трудом -
Так скребут по асфальту железом –
И казалось: старик, словно дом,
В землю врос деревянным протезом.
Поднимался туман от реки,
Мрак ночной зарождался в низине,
Но, ликуя, цвели сорняки,
Словно осени не и в помине.

Снегопад

До Канады долети, посмей-ка
В этот новогодний снегопад...
Бабушки, как птички, на скамейках,
Свесив ноги в валенках, сидят.
Невдомек усталым стары птицам,
Что в ином. заснеженном краю
В этот час, наверное, не спится,
Русскому бродяге-воробью.
Снег идет красиво, как на сцене,
Вовлекая всех в водоворот.
На бульваре тают чьи-то тени.
Зимний вечер. Старый Новый год.

Европа

Как весело было Европе
Скакать на лукавом быке,
Сжимая на быстром галопе
Атласную холку в руке!
Мелькали столетья и горы,
Стремительно двигаясь вспять.
Как сладко парить без опоры
И вниз опускаться опять!
Крутить золотые колечки
На бычьей холеной спине,
Держаться на нем без уздечки,
По морю пlying, как во сне....
В кровавой стремнине потопа,
Почти на исходе пути,
Куда ты несешься, Европа,
С пытающей шерстью в горсти?

Американскому советологу.

То, что для тебя игра ума-

Для меня ползающая тьма.

То, что для тебя – объект науки –

Для меня – трагические звуки.

А эпохи «любопытный пласт» -

Это все судьба моя, схоласт!

Тишина

Устала музыка. Стихи устали.

Устали мы с тобой.

Конец? О нет. начало!

Я знаю: обретут друг друга снова

Твоя мелодия.

Мои стихи.

Полет над островом

Мы летели над островом. Словно на телеэкране
Все красоты его. Лишь одно огорчало в пути.
Ведь и каждый из нас – тоже остров в большом океане,
Появился на свет, чтоб однажды в пучину уйти.
Почему же тогда ни цветение наше, ни осень
Охранять никому не приказано там. в вышине?
Нас несет океан. Нас кружит его зябкая просинь,
Не давая уснуть ни на миг на неверной волне.

Сочинение

«Кто знает, как сложится осень?» -

Старательно мальчик писал,
И комнаты маленький остров
Светился, как редкий кристалл,
И молний зеленые вспышки
Под вечер врывались в нее,
И кашлял на кухне братишка,
И мама чинила белье,
И взрослая строчка ложилась
В его голубую тетрадь.
У мальчика осень сложилась.
У нас – не сложилась опять.

Сокольники девяностых

Элегия

Здесь снимают прохожих на фоне удава,
И на фоне мартышки, и просто, без фона,
На столах в ярких фантиках тает отрава,
К нам маня всех чешуйчатокрылых района.
Травит местные новости дворник с базара,
Власть имущих решительно разоблачая,
Прет толпа на искусственных динозавров,
Настоящих ошибочно не замечая.
Как душа, отлетает короткое лето,
Мокнут книги и падают листья по краю.
В этот день, заблудившийся в нитях сюжета,
Мы, торговцы и нищие, славно играем.
Как диковинки, вынутые из утиля,
Что чудак расставляет на полка с любовью,
Мы стоим, не снижая высокого штиля
Всей эпохи, приравненной к Средневековью.

В подземном переходе

Аккордеон играет в переходе.
Одет артист совсем не по погоде.
Послушай, друг, мне музыка знакома –
Она о тех, кто далеко от дома.

Здесь хлопчики из «ридной Украины»
И белорусы из «семьи единой»,
Учителя из города Казани
И молдаване с грустными глазами.

Давай, артист. Крути свою шарманку!
Сыграй нам про «смуглянку –молдаванку»,
Потом напомним, как за Галей вьется
Иванко, «як барвинок» у колодца.

«Прощание славянки» вжарь сильнее!
Мы с прошлым распостимся вместе с нею
И под ритмичный плач аккордеона
Пройдем, как первомайская колонна.

Пусть снег летит и на ступенях тает,
Душа, артист, с тобою улетает.
Который год идем по переходу.

Играй, артист! Надежду дай народу.

Репортеры

*Фотокорам журнала «Советский Союз»,
Исчезнувшего одновременно с державой*

Я летала, как ведьма, на «АНах» и «ИЛлах»
И в гремящих экспрессах куда-то неслась,
Обжигаясь, хватала руками в чернилах
Каждый миг. И сплетала словесную вязь.

Ах, какие там были красивые люди!
(Фотокоры глаза обжигали до слез),
И в деревне любой, словно мы в Голливуде,
Улыбались нам жители долго, всерьез.

Все деревья цвели, все поля колосились,
Все закаты пылали в прекрасных горах.
Мы придумали жизнь, мы в нее напросились,
Как фантомы, застряв в параллельных мирах.

...Но порой, проклиная войну и разруху,
На исходе столетья, полжизни испив,
Я хочу в тот мираж, где усталому слуху
Сладкозвучный, обманный играют мотив.

Верхом

Я скачу по городскому скверу
На кобыле русской верховой
И за то, что счастлива не в меру,
Как всегда, рискую головой.
На меня кидаются собаки,
И встают заборы на пути,
Впереди – такие буераки,
Господи, помилуй и спаси!
Помоги мне, Боже, удержаться
До исхода дней моих в седле
И не раньше к финишу примчаться,
Чем мои соседи по Земле.

Крик о немоте

Я утопаю в мелочах,
Как спекулянт в чужих вещах,
Как репортер в чужих речах,
Как сутенер в чужих ночах.
Скороговорка, а не крик...
Зачем мне богом дан язык?
В мой мозг, как видео-кино,
Вплывает пестрое пятно
Бесчисленных сюжетов дня.
О, немота, спаси меня!

Художник Чернова

Пусть беснуется снег, замечая нас снова и снова,
И, как чёрный квадрат, надвигается зимняя мгла,
Им победу не праздновать, если художник Чернова
Мраку бросила вызов и в руки палитру взяла.
Безобразное корчится, воеет, хохочет, чудачит,
Наши уши, глаза вовлекая в бесовский свой круг.
Но Ирина опять приготовила кисти, а значит —
Жизнь прекрасной и светлой отныне предстанет вокруг.
Итальянские улочки, щедро согретые летом,
И букеты, и фрукты, и южных небес синева...
Где уж с ними тягаться метелям, зиме и поэтам!
Ира нам говорит: «Жизнь прекрасна!».
И – к черту слова!

Липа

Липа цветет под окном городским,
Душу соблазном мутит колдовским.
Будто бы лето далекое длится,
Юные дачницы, платья из ситца,
Речка холодная, велосипед,
Пыльная зелень и солнечный свет.
Будто бы можно смеяться беспечно,
Будто июль продолжается вечно,
И ни потерь, ни кровавых вестей –
Только кипение юных страстей.
Будто простое невысказанно сложно,
Будто о чем-то сказать невозможно,
Будто не знаешь, с какою тоской
Липою пахнет в черт е городской.

Август

Лето с горки скатилось,
Словно яблоко с крыши.
Что в июле случилось –
Завтра август услышит.
Было юным, неспелым,
Изумленно-счастливым,
Стало яблочно-белым,
С изумрудным отливом.
Прикатилось из сада,
Как чужая планета.
Ничего мне не надо,
Кроме позднего лета.

Мама

Слава Богу, опять и дожди, и туманы, и слякоть,
И антенну качает, и «ящик» с утра барахлит.
Можно сосредоточиться, чтобы подробно поплакать
Обо всем, что болело, и вновь к непогоде болит.
О бездомном бродяге, которому все холоднее
На скамейке у храма, где нежно поют тенора.
И о маме –
о том, кто на небе беседует с нею,
И кого она нынче опять пожалела с утра.

Прощание с гомункулом

Бесноватый, капризный, рябой -
Весь, как крик, на картине у Мунка.
Растворяйся скорей, Бог с тобой,
И прощай, мой любимый гомункул!
Я сама сотворила тебя,
Как алхимик, в свеченье реторты,
И жила, бесконечно любя
Образ твой у сердечной аорты.
Ты капризничал, вредничал, ныл,
Моей кровью питаюсь беспечно.
Ты меня никогда не любил -
Так прощай же, гомункул, навечно!
Не узнает никто никогда
Про мой опыт опасно-смертельный.
Ты растаешь, как корочка льда,
На трубе, раскаленной в котельной.
Я тебя возвращаю, как мяч,
В эту бездну без дна и без края.
Твой создатель и твой же палач -
В горьком прошлом тебя растворяю.

Рождество

Вновь январь заметет дуновеньем ветров леденящих,

Налетит и развеет тоску, что скопилось в душе.

Лишь одно нас спасет – будем яростно жить настоящим.

Завтра – бог даст, наступит, а прошлое было уже.

Этот нынешний миг, он прекрасен, как снег на деревьях,

Словно белый листок, не исписанный карандашом,

Как компьютер, что грузится тайною памятью древней

И в обход всех программ говорит нам, что все хорошо.

Вновь пришло Рождество, все мы молоды и бесшабашны,

И хозяин, как встарь, и нальет от души, и споет.

А назавтра опять, вспомнив нынешний день, как вчераш-
ний,

Мы без страха шагнем в темноту, где поземка метет.

Негасимая лампада

Души старых москвичей

Маленькая поэма

На старом кладбище немецком,
Где пепел бабушки моей
Зарыт рукою молодецкой
В тени столетних тополей,
Где цифры Рима русский холод
Стереть со склепов не сумел,
Где дым завода «Серп и молот»
На шрифт готический осел,
Под брань могильщиков веселых
И ключницы веселый смех
Среди камней и плит тяжелых
Брожу и вспоминаю тех,
Кто срок, отмеренный судьбою,
Прожил, как прадеды, в Москве.
И вдруг ушел, забрав с собою
Наш одряхлевший в распрях век.

Учительница музыки

Ее одышливой и грузной
Я помню: шуба и берет.
Шутила, пела, словно грустной
Не быть – дала себе обет.
Футляр альтовый. Брошка. Боты.
Укладка с легкой сединой.
В клеенчатой кошелке ноты,
Уроки музыки со мной.
Расстроенное пианино,
Мученья с левою рукой
И вальс Шопена, середина,
Как взрыв, в квартире городской.
Подарки, буриме, шарады –
Я помню каждое словцо,
Все зоосады, маскарады,
Ее армянское кольцо...
И только альт при мне ни разу
Не покидал родной футляр.
Веселость, словно по заказу,
Не всем дается, видно, в дар.

Журналист

Сын белошвейки, зять Генсека,
Толстяк с прожилками на лбу.
Он испытал и нежность века,
И клекот у него в зобу.
Судьба, капризная, как ветер,
Его над всеми вознесла
И вскоре, словно не заметив,
Как крошку, сдула со стола.
Лишила имени и слова,
Швырнула в общий коридор,
Где нос его, как у больного,
Стал красной губкой в точках пор.
Он тридцать лет сидел в опале,
Писал про птичек и про лес,
Швырял, как некогда, в запале
Бумаги с поводом и без.,
И прятал кофе в дальний ящик
От насмежавшихся коллег...
И умер. Как ненастоящий,
Хоть и великий человек.

Бабушка

Всего важней на свете слово.
Она, у жизни на краю,
Заговорив по-польски, снова
Вернулась в молодость свою.
Что ей московский говор медный?
Она надменно и всерьез
Все повторяла «вшистка едно»¹
В ответ на каждый мой вопрос.
Ей звуков цоканье шипящих
Милее аканья, длиннот
Вдруг стало... Пани настоящей
Ушла от нас она в тот год.
Но прежде – шляпку из соломы
Велела к лету мне купить
И не ходить в халате дома,
Ликеры вместо водки пить,
И никогда не ставить локти
На стол, особенно в гостях,
Ни губы не кусать, ни ногти
При самых горестных вестях.
Не «петь котом», не «выть белугой»,
Не «ржать кобылой» на весь дом –

¹ Все равно (польск.)

Лишь в этом случае округой
Ценима буду, хоть с трудом.
Куда мне до ее традиций
И муфты с мехом кенгуру?
Все говорила: «Погодите,
Вот вспомните, когда помру!».

Харон

Могильщик, наш Харон беспечный,
Спасибо, что напомнил вновь
О смысле жизни быстротечной,
Где смерть вернее, чем любовь.
Останови свою телегу
И выпей за помин души
Всех тех, кто по траве и снегу
Неслышно бродит тут в тиши.
Ты охраняешь город мертвых
И провожаешь новичков,
Ты сам – из битых и из тертых,
Из подмосковных мужичков.
Но при покойниках столичных
Ты служишь уж не первый год
И строго требуешь наличных
От тех, кто возле гроба ждет.
Тащись, Харон, в своей телеге,
Мурлыкай песенку под нос,
Ты при харчах и при ночлеге –
Какой еще с Харона спрос?
А там, на берегу на дальнем
Все, кто недавно был любим,
Кто век безумный и печальный

Покинул, не простившись с ним.

Плач по Беларуси

Тень Чернобыля

С белорусских полей смертоносная пыль долетает
До меня, горожанки, живущей в далекой Москве,
И все чаще родня в Могилеве и Гомеле ставит
Поминальный свой борщ. И скатерку кладет на траве.
Помню, тетка моя новый дом, торопясь, обживала,
Шила шторы на окна, сажала у дома цветы,
В огурцы и клубнику молитвенно счетчик совала
И вздыхала легко, убедившись, что страхи пусты.
В то же лето она и легла в белорусский песчаник.
Оказалось, что знала о страшной болезни уж год уж год.
Лейкемия ее сторожила, как верный охранник,
А потом проводила туда, где не знают забот.
Что ее погубило? Земля ли, вода или ветер?
Не узнаем теперь, да и в этом ли главная суть...
Белорусских детей, ее внуков, живущих на свете,
Эта страшная пыль не смогла бы в себя затянуть.
Ведь и так синеглазых старух потемневшие лики
И похмельные лица когда-то лихих мужиков,
Возле хат, искаженных, как рты, в неуслышанном крике,
Не сулят той земле возрождения на стыке веков.

Но не смеет она стать навеки пустыней убогой,
Если выросло здесь и легло в нее столько людей.
За детей белорусских прошу
Беспощадного Бога.
И за всех, кто остался в земле белорусской моей.

Родовое древо

Далеко в лесах дремучих
Это дерево стоит,
На ветвях его могучих
Свет немеркнувший горит.
Души, хрупкие, как песни,
Всей большой родни моей
Там, в болотистом Полесье,
Прячет Древо меж ветвей...
Наше древо родовое,
Тайны ревностно храни.
Ведь покуда ты живое –
Не изжить моей родни.

Шутливые стихи

Муза

Я сидела и ногти кусала
У покрытого снегом пруда.
Где ж ты, Муза, неужто «зассала»,
Не вернешься ко мне никогда?
Дескать, не фиг писать про пустое,
Про политику и про Собчак...
Мол, теперь ни гроша я не стою,
Даже пенсия – сущий пустяк.
Вдруг я вижу: стоит моя Муза
С грузом прожитых лет на лице,
В пуховик завернувшись кургузый,
На широком крыльце МФЦ.
«Ты когда-то писала про грозы,
Про томленье любовное, блин,
Напиши-ка попробуй – про слезы
Нищеты среди родимых равнин.
Про копеечных пенсий убогость,
Про безжалостной старости боль...»
Я простила ей грубость и строгость
И тихонько сказала: «Изволь!».

В зеркалах

В магазине шикарном
Не смогла удержаться:
В зеркалах его парных
Начала отражаться.
Здесь – обычная тетка,
Там – роскошная баба,
Здесь – тоща, как селедка,
Там – раздута, как жаба.
Справа – жалкая бедность,
Слева – пошлость и ушлость,
Там – убогость и бледность,
Здесь – богатство и ужас.
И какое мне боле
Отраженье пристало,
Я, как двоечник в школе.
Безуспешно гадала.
Там – людское участие,
Здесь – всеобщая зависть.
Справа – рвешься на части,
Слева – водишь всех за нос.
Отраженье разбить бы –
Да стекло здесь не бьется.
Эх, такое купить бы -

Только не продается.

Телепатка

Через стену видят люди.
Я зато читаю в душах,
Вижу то, что что не должно бы
Взору чуждому предстать.
Вижу, как вершитель судеб,
Наводящий страх в чинушах,
С легкомысленной особой
Снова хочет переспать!

В Сапсане

Между солнцем и ненастьем,
Между мудростью и счастьем,
Между Невским и Тверскою
Я на поезде лечу.
Все надеюсь: рассосется,
Перетрется, разорвется
Между мною и тобою
Эта нить, лишь захочу.
Но она – не исчезает,
И меня опять кидает
В этот ветреный и зыбкий
Город сумрачных людей.
Но, к несчастью, я москвичка,
А в столице есть привычка
Бегать так, как будто сзади
Догоняет вас злодей.
Но себя я обуздаю
И неспешно погуляю
Мимо Марсового поля
По Мильонной, до Дворца.
Там, на Площади, с тобою,
Словно Петербург с Москвою,
Повстречаюсь, размечтаюсь

Здесь остаться до конца.
Вдруг часы пробьют двенадцать.
С новым Годом, папарацци!
Бац – карета стала тыквой,
Это значит – мне домой.
Ждут за праздниками будни...
Вскоре вновь сюда прибуду
Ну куда же без Петербурга
Нам, замученным Москвой!

Собрату-писателю

Вопреки суесловью,
Мол. не хватит отваги
Продавать им, поверьте,
Свой товар заказной,
Я торгую любовью
На газетной бумаге,
Вы торгуете смертью
Под обложкой цветной.

С «пионерским задором» -
Мы же родом из детства,
Накропаем «о главном»,
Как писали не раз.
И с незримым укором
На такое «соседство»
Бунин с Гоголем славным
С неба смотрят на нас.

Но чем дольше читают
Электронные строки
Про любовь до могилы
И про смерть в облаках,
Тем заметнее тают

Души классиков строгих:
«Сочинителей силы
Не иссякли пока!

Их волнует все то же,
(хоть и пишут все хуже),
Романист и пиитка,
Как им не надоест!
Ты помилуй их, Боже,
Даже если не сдюжат,
Графомания – пытка
И пожизненный крест!

Пахнет потом и кровью,
И врачи здесь бессильны,
Сей недуг повсеместно
Правит нашей страной...».
Я торгую любовью
Под обложкой дебильной,
Вы – торгуете смертью
Под обложкой дурной.

Куплеты к 14 февраля

Ах, святой Валентин,
Вино грушевое!
Порвалось, его ети,
Сердце плюшевое!
Не получит продавец
Своей денежки,
И сосулька-леденец
Целит в темечко.
Все усеяно вокруг валентинками.
Лучше выпьем, милый друг,
Под сурдинку мы!
В мире нет любви – лишь сны
Да коммерция.
Запевай про три сосны,
Аль без сердца мы?

Театр «Новый Год».

Город наш, как мираж,
То мигает, то дразнится,
Время темное это
Развлекаться зовет.
Дед Мороз распродаж
И коммерческих праздников
Предлагает билеты
Нам в Театр Новый Год.
Самым важным – в партер,
На галерку старательным,
Примелькавшимся – в ложу,
Неизвестным – в буфет.
По ранжиру карьер
Всех рассадит внимательно,
А для тех, кто моложе,
Есть с подарком билет.
В том подарке – энергия
Электронного кролика,
И уверенность броская,
И холодный расчет,
Что б всегда были первыми
У заветного столика,
Где билеты разбросаны,

По которым везет.
Всем не хватит подарочка,
И мешки не безбрежные.
Бог с ним, с Дедом торгующим
И с бездарной страной.
Нам с тобой контрамарочку
Припасут бабы снежные
И под крик протестующих
Стул внесут приставной!

ЖИВЫМ (ПОКА ЕЩЕ) ПОЭТАМ

XX

века

Уймитесь уже, старички и старушки,
Забудьте про баттлы: «Кто нынче здесь Пушкин?».
В ю-тьюбе давно уже вся молодежь,
И виршами древними их не проймешь.
Другой там язык и другие герои,
И вам не по силам осада сей Трои,
Поверьте, родные: писать в шестьдесят
Про страсть – это то же, что мучить котят!
Но коль вам невмочь, старички и старушки,
Кропайте про вздохи на общей подушке,
Мол, это не астма, а дикая страсть,
И вам ни к чему валидол рядом класть.
Не злитесь, поэты, ведь так же стара я,
Но в битву амбиций давно не играю,
Рваните за мною скорей в Интернет -
Вот там и узнаем, кто лучший поэт!

Смог в Москве-2010

Все гадали по приметам,
Городили чепуху.
Ждали, ждали конец света,
Глядь, а он уж здесь: «Ку-ку!».

Грозно когти распускает,
Вьется в небе надо мной
И добычу выбирает:
«Черный ворон, я не твой!».

Не твоя я, черный ворон,
Много нас внизу в толпе,
У меня же писем ворох
Не отвеченных в компЕ!

И долгов, увы, немало,
Только сделала ремонт,
И роман не дописала
Про коварный «личный фронт».

Без меня моим героям
Не познать любовный жар,
Все их грезы пестрым роем

Унесет лесной пожар.

И училка-недотепа,
Что уже немолода,
Богатея из Европы
Не подцепит никогда.

И красавец обалденный –
Бабник, умница, пижон,
На нее взглянув надменно,
Не застынет, поражен.

Кислородные подушки
Все раскуплены давно.
Выпьем с горя, где же кружка?
Лучше – красное вино.

Черный ворон, убирайся
За ограду дымных крыш.
Ты меня, как не старайся,
Не достанешь, ворон. Кыш!

Страшен смог в мозгах и в душах.
Через раз, но все ж дышу.
Я сижу в дыму по уши
И роман в Москве пишу.

Харрасмент по-русски

Гордо реет Павел Гусев
Над скандалом сексуальным.
Как посмели журналистки
Леонида обижать?
Если потными руками
К вам полезут в кабинете,
Вы должны гордиться этим,
А не с жалобой бежать!
Пусть другие отзываю
Репортерский пул из Думы!
Журналистика не мама,
А СЖ вам не отец
Наш «МК» не оплошает
И своих аккредитует,
Всех с ногами и с грудями.
Депутаты, вам конец!

Экологический митинг

Не травите газами
Сероводородными
Дяденьки-чиновники
Маленьких детей!
Не ходите с фразами
Пышными к народу вы,
А не то получите
Крепеньких «люлей»!
На утилизацию денежки прокручены,
С провонявшей совестью
Тоже можно спать.
Но однажды девочка
В розовенькой курточке
Выйдет и покажет вам
Правду, вашу мать!

Герои ненаписанных романов

День и ночь мои герои
Мне по кумполу стучат.
То, как зверь, они завоюют,
То заплачут, как Собчак.
К людям выбраться мечтают...
А редактор (вот говно!)
Говорит: «Не покупают,
Не читают книг давно!».
Секс, менты, кулинария,
Мода прочая фигня.
Люди, что вы натворили,
Жизнь украли у меня!
Что теперь, скажите, делать
С миром, выдуманным мной?
«Только снять штаны и бегать», -
Дал совет сосед хмельной.

Выборы

Глупый пингвин робко прячет
Тело жирное в пивбаре,
А потом сидит и плачет:
«Ну, навыбирали, твори!»
Я ж, глотнув валокордину,
Поспешила на участок.
Будьте все, как тетя Нина,
И наступит в жизни счастье!

После выборов

Небо ярко-голубое.

Ослепительный снежок...

Что же делать нам с тобою

После выборов, дружок?

Быстро тают у старушки

Пенсионные рубли.

Выпьем с горя, где же кружка?

Блин, кефир не завезли!

Поздняя весна

К нам случайно весна задержалась.
Разрядился смартфон, проспала.
Не накрасилась, не причесалась
И примчалась сюда, в чем была.
Первым делом – за швабру схватилась,
Всюду грязь – настоящая «жесть»
Некрасивая? Вас не спросилась!
Полюбите такую, как есть!
В ваших северных блеклых широтах
То метель, то распутица, мгла...
Не походишь на шпильках и шортах.
Будьте рады вообще, что пришла!»

Женский роман

Компьютер сам весною
Выстукивает дробь,
А я смотрю, не ною,
Писал «красивше» что б.
Пора кропать романы на 160 страниц,
А в них – одни обманы
Для глупеньких девиц.
Там секс, коварство, страсти...
Какой же это грех-
Писать, что, дескать, счастья
Достанется на всех.
Ведь Золушке подстава –
Хрустальный башмачок,
А в башмачке отравы –
Смертельный «новичок».

Опять про позднюю весну

Что ж, Весна, ты про нас позабыла,
Видно есть поважнее дела...
Хорошо, что я окна не мыла
И в химчистку тулуп не сдала.
Значит, можно лениться по-новой
Средь родимых берез и осин.
Все ж не так здесь зимою хреново,
Если можно не дергаться, блин!